

Имя собственное

Сказка-быль

Маленький земляной лягушонок проснулся рано утром от наглого чирикания воробьёв и радостно подумал: «Хозяйки не было уже два дня, значит сегодня обязательно приедет поливать грядки».

Лягушонок жил на даче под большой ржавой бочкой с водой. Там было тепло, сыро и, главное, безопасно. Впрочем, бояться лягушонку было некого. На даче жил только невоспитанный нервный воробей, которого хозяин ласково называл Друган, и толстая задумчивая мышь. Она становилась на удивление прыткой только тогда, когда на дачу мимоходом захаживал худой, всегда голодный кот.

Хозяйка звала его Тигра. Кот был совершенно дикий, но к хозяйке всегда подходил без опаски и даже перебрасывался с ней парой слов. Хозяйка при этом всегда впадала в мучительное раздумье, жалостливо глядя на Тигру и смешно хмуря тонкие брови. Лягушонок слышал её мысли. Она думала, стоит ли отдавать Тигре половину своей сосиски. И лягушонок, и Тигра, безучастно сидящий возле хозяйки с видом «не больно-то и нужно», заранее знали результат.

Через несколько минут Тигра удалялся величественной походкой царя зверей, небрежно зажав в зубах половину сосиски. Но лягушонок-то прекрасно видел, как исчезала его важность, когда он заворачивал за угол дачного домика и с жадностью проглатывал сосиску. Затем, воровато оглянувшись по сторонам, — не видел ли кто, как низко он пал, — Тигра снова принимал независимый и даже надменный вид и отправлялся в свой ежедневный обход дач. Кот видел, как хихикает над ним лягушонок, но тот был не в счёт, ведь у него не было даже имени.

А имена были у всех, и даже по несколько. Хозяйку дачи звали Маша. Когда хозяин был в добром расположении духа и строительство дачного домика ладилось, он ласково называл Машу мышонком. А когда злился на несговорчивую Машу, не желавшую смириться с тем, что он сколотил крыльцо из не струганых досок, мысленно называл её козой.

Хозяина дачи звали Сашей. Но хозяйка чаще называла его солнышком, а когда они ссорились — поросёнком неблагоприятным. Но в общем они ладили, и лягушонок любил их обоих так же, как любил весь этот прекрасный, солнечный Мир, полный изумрудной зелени и благоухающих цветов.

Толстую старую мышь, жившую под домиком, хозяйка называла козьявкой противной. Лягушонок не понимал, что это значит, но чувствовал, что что-то нехорошее, потому что Маша всегда умудрялась застать её в тот момент, когда она суетливо тащила к своей щёлке в полу кусочек печенья или хлеба, самым бесстыдным образом похищенные из сумки, доверчиво оставленной на полу рассеянной Машей.

Было своё имя даже у вечно взъерошенного воробья, которого и птицей-то трудно было назвать. Лягушонок уже видел настоящих птиц, которые гордо парили в небе, а если и опускались на землю, то вели себя

чинно и благовоспитанно. Взять хотя бы этих двух трясогузок, которые прилетали попить воды из маленького бассейна и посидеть в густой тени резных листьев крапивы. Они тихонько переговаривались между собой, обсуждая свои семейные дела, и согласно кивали друг другу светленькими головками.

А этот? Этот воробей даже летать-то не хочет, а просто бегаёт по грядкам, хватая всё, что подвернётся – то червячка, то гусеницу, то муху. Лягушонок морщился, видя такую неразборчивость в еде. Он считал это признаком дурного воспитания.

Лягушонок почесал лапкой животик и грустно вздохнул. Он слышал, о чём думает козявка противная. Она прикорнула на солнышке возле крыльца, и её полусонные мысли тихо и печально шуршали. Она думала о том, что скоро хозяин доделает полы в домике, её удобной щёлочки в углу не станет, и нужно будет думать о том, как незаметно пробираться в домик. Как истинная женщина, она в конце концов решила: «Я подумаю об этом потом», и задремала.

У лягушонка было совершенно противоположное мнение. Он с нетерпением ждал, когда хозяин достроит домик. Ведь тогда они с Машей будут приезжать гораздо чаще и (о счастье!) даже оставаться здесь ночевать. И значит, лягушонок сможет гораздо чаще любоваться радугой, которая искрилась в каскаде брызг каждый раз, когда Маша поливала свои грядки из длинного чёрного, похожего на змею шланга. Так что лягушонок искренне радовался предстоящему окончанию строительства. А что касается воробья Другана, то он ничего не думал по этому поводу. Лягушонок считал, что для этого Друган был слишком глуп.

Размышления лягушонка прервал звук приближающегося автомобиля. Затем послышалась музыка. Лягушонок знал эту песню. Чей-то голос, – лягушонок никак не мог понять, мужской или женский, – самозабвенно пел: «Даже если вам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца». Лягушонок подумал: «Какие же люди всё-таки наивные», – и высоко подпрыгнув что было сил, помчался к тому месту, откуда видна была радуга. Это было непросто. Приходилось пробираться сквозь заросли клубники и капусты. Но зрелище того стоило, и уже через несколько минут лягушонок был на исходной позиции.

Шло время, но радуга не появлялась. Вместо того чтобы начать поливку, хозяйка взяла тяпку и стала рыхлить грядки. Разочарованный лягушонок сидел в зарослях и рассеянно наблюдал за хозяйкой. Громкий вскрик Маши заставил его очнуться. Он почувствовал, как её нежные руки подхватили его, и близко-близко увидел её широко распахнутые, испуганные глаза. «Ну что же ты, малыш, я ведь могла тебя поранить. Беги отсюда, не вертись под ногами, малыш», – дрожащим голосом сказала Маша.

Лягушонок, осторожно опущенный на дорожку, изо всех сил припустил к своей бочке. И вдруг яркая, как молния, мысль вспыхнула у него в голове: «Малыш, она назвала меня Малыш! Значит, у меня тоже есть имя, моё имя, и какое – Малыш!» Где-то тоненькой иголочкой кольнула обида: «Ну почему, почему Маша не сказала об этом раньше?»

Но горячая волна благодарности захлестнула его маленькое сердце. Оно трепетало от радости и восторга. Малыш юркнул под свою бочку и блаженно вытянулся на бархатном листе мать-и-мачехи. От пережитого потрясения он быстро уснул. Во сне он беспокойно вздрагивал. Ему снилось, что Маша весело кричит: «Малыш, ну куда ты запропастился?»

Иди посмотри, какая яркая сегодня радуга!» И даже во сне он знал, что завтра он проснётся в совершенно другом Мире – Мире, где у него будет Своё Собственное Имя!

Верь сердцу своему

Сказка-быль

Тихо и мягко заскрипел снег, едва присыпавший полузастывшую октябрьскую грязь. Брезгливо встряхивая лапками в ослепительно белых «носочках», вышел из своего подъезда всеобщий баловень и любимец двора кот Кеша.

Кешу любили все. И старушки, коротающие время на лавочках, безобидно сплетничая обо всех обитателях небольшого городского двора. И дети всех возрастов и национальностей, самозабвенно играющие на детской площадке. И молодёжь – девчонки и парни, занимающие те же лавочки с позднего вечера и почти до утра. Взрослые были не в счёт. Рано утром они отправлялись на работу и возвращались только поздно вечером, уставшие и безразличные ко всему, даже к нему – Кеше, и спешили к своим диванам и телевизорам. Но Кеша не обижался на них, он понимал, что они должны работать для того, чтобы старушки могли отдыхать на лавочках, дети резвиться на своей площадке, а молодёжь – учиться. Так был устроен мир людей, и Кеша принимал это как данность.

Он действительно был очень красив, особенно зимой, когда его чёрная шерсть становилась длинной и густой, а лапки и грудка сверкали на солнце ослепительной белизной. Кеша и сам понимал, насколько он красив, и в глубине души считал, что ему больше подходит имя Иннокентий – аристократичное и достойное. Но как объяснить это людям, он не знал. Он прекрасно понимал язык людей, но как ни старался, люди совершенно не понимали, что он хотел им сказать.

Вальяжной походкой (он немало потрудился, отрабатывая её перед зеркалом) Кеша обошёл весь двор, потёрся о лавочку, на которой сидели старушки, снисходительно выслушал не отличавшиеся разнообразием комплименты и решил, что во дворе не происходит ничего интересного. Всё самое интересное происходило ночью. В подъездах целовались влюблённые парочки. Подвыпившие парни с поразительным упорством ломали лавочки и качели на детской площадке, которые потом с поразительным терпением ремонтировали и подкрашивали работники домоуправления. А самое главное, ночью начиналась их, кошачья жизнь. Уж тут-то они могли вволю потусоваться (Кеше нравился современный молодёжный сленг за точность и яркость выражений).

Но сейчас нужно было возвращаться домой. Скоро выйдет гулять Чапа – раздражительный и нервный пудель из соседнего подъезда. Не то чтобы Кеша его боялся. Конечно, нет. Но это взбалмошное существо, невоспитанность которого могла быстро переходить в агрессию без всяких видимых причин, раздражало уравновешенного, самодостаточного Иннокентия.

Он помнил Чапу ещё щенком – ласковым, вертлявым и навязчиво-доброжелательным. Но Чапа был некрасив. Наверное, он был помесью

пуделя и таксы. Это было нечто неприлично лохматое на коротких кривых ногах, непонятного грязно-коричневого цвета. Поэтому Чапу никто не любил, кроме его хозяйки – пожилой усталой женщины с натруженными руками и толстой седой косой, старомодно уложенной в корону.

Мальчишки часто дразнили Чапу. Он стал огрызаться в ответ, за что от взрослых попадало почему-то не мальчишкам, а ему. Со временем его характер совершенно испортился. Он больше не стал подходить к людям, а чаще сидел где-нибудь в сторонке, завистливо наблюдая за малышняй, копошившейся в песочнице.

Когда у Чапы было особенно скверное настроение, он становился настоящим террористом. Весь двор был возмущён его поведением, а его хозяйке приходилось виновато оправдываться перед всеми: «Прямо не знаю, что на него нашло», – говорила она и сурово отчитывала взъерошенного и насупившегося Чапу. А ему просто хотелось, чтобы она погладила его по голове.

Во дворе был ещё один изгой – старый полудикий кот с клочковатой свалывшейся шерстью. Когда-то она была ярко-рыжей, за что кота прозвали Чубайсом. Теперь шерсть свалывалась и поседела, отмороженные уши тоже его не украшали, а многочисленные шрамы придавали совсем уж угрожающий и отталкивающий вид.

Он жил в подвале большого кирпичного дома и к людям подходил только в случае крайней необходимости, когда был очень голоден. Сердобольные жильцы дома подкармливали его, чем могли, но особой любви к нему не питали. Любила Чубайса только маленькая девочка Полина из соседней с Кешей квартиры. И Чубайс подходил только к ней. Полина крепко прижимала его к себе и гладила, тихо приговаривая какие-то ласковые слова, которые понимал только Чубайс. Это приводило в ужас маму Полины. «Не трогай его, он, наверное, больной», – нервно требовала мама, на что Полина неизменно отвечала одной и той же фразой: «Он холосий, мама, он доблый», – она ещё не умела правильно выговаривать некоторые звуки.

Чубайс знал, что Полине никогда не удастся убедить свою мать, и сам отходил от девочки. Он устраивался в сторонке, в тени балкона, откуда внимательно и чутко наблюдал за девочкой. Полина и Чубайс понимали друг друга без слов, и одна только Полина знала, что он охранял её. Когда девочку уводили домой, она прощально махала ему рукой, и он с чувством исполненного долга отправлялся в свой подвал.

Кеша знал о тайной привязанности Полины и Чубайса, но никак не мог понять, почему девочка так любила именно его, а не Кешу. «Она просто ещё маленькая и глупая», – утешал себя Кеша.

Кеша уже подходил к своему подъезду, когда его взгляд привлекло что-то новое и непонятное. Подойдя ближе, он понял – это был котёнок. Маленький, дрожащий, жалкий. Такое часто случалось в их дворе: кто-то подбрасывал в подъезды котят, ставших вдруг почему-то ненужными.

Напуганный и не понимающий, как с ним могло такое случиться, котёнок жалобно пищал и прижимался к тёплой трубе. «Ещё один, – равнодушно подумал Кеша, – как они надоели». Он знал, что пройдёт несколько дней, пока котёнка кто-нибудь заберёт к себе. А до этого он долго будет кричать в подъезде, пока совсем не охрипнет.

В огромных от ужаса, переполненных слезами глазах котёнка мелькнула надежда, когда он увидел Кешу, но тот равнодушно прошествовал

мимо к своей двери, за которой его ждала миска с его любимым вискасом и мягкий, пушистый коврик.

Вдруг писк котёнка сменился каким-то сдавленным хрипом. Кеша оглянулся и увидел жуткое зрелище. К котёнку молчаливо и яростно подступал Чапа. Его сверкающие из-под растрёпанной чёлки глаза не сулили ничего хорошего. Приблудный котёнок со вздыбившейся шерсткой и дрожащим хвостиком прижался к стене. Он никогда не видел такого злобного чудовища, и страх, застывший в его расширенных зрачках, буквально парализовал его.

Кеша стал поспешно пятиться к своей двери. Он слишком хорошо знал характер Чапы. Но вдруг ярость в глазах Чапы сменилась удивлением. Кот Чубайс, пересёкший подъезд одним гигантским прыжком, встал между Чапой и котёнком. Их глаза встретились.

Коты и собаки, живущие во дворе, никогда не враждовали друг с другом, ведь все они были здесь «свои». Доставалось только случайно забредавшим во двор чужакам. Тут уж все обитатели двора были единомышленны. Это был их маленький мир, и они как могли защищали его. Поэтому Чапа был безмерно удивлён, что Чубайс встал на защиту чужака. Но та решимость, которую он увидел в глазах противника, заставила его отступить. А Чубайс медленно повернулся, что-то буркнул ошеломлённому подкидышу и спокойно направился к выходу. Он знал, что Чапа никогда не нарушит неписаное правило – не нападёт сзади.

Полумёртвый от ужаса, на негнущихся дрожащих ногах котёнок преданно поплёлся за Чубайсом, и через минуту они оба скрылись в зияющем отверстии, ведущем в подвал.

Всё произошло так быстро, что Иннокентий и опомниться не успел. Он ошеломлённо плюхнулся на коврик у своей двери. Он понимал, что Чубайс поступил как настоящий герой, и впервые испытал жгучее чувство стыда – ведь ему даже в голову не пришло защитить малыша. Впервые он подумал о том, как сложилась бы его жизнь, если бы он не был так красив. Люди обычно берут к себе красивых животных и относятся к ним, как к игрушкам. Чувство стыда было настолько непривычным, что у него больно заняло сердце и защипало глаза.

С тихим скрипом приоткрылась дверь соседней квартиры. Сначала показался огромный зелёный бант, а потом любопытное личико с широко распахнутыми глазами цвета тёмно-зелёного бутылочного стекла. Это была Полина. Она никогда не видела Кешу таким растерянным и несчастным. Девочка медленно подошла к нему, присела на корточки и, нерешительно погладив его по спине, ласково сказала: «Не плачь, Кеса, всё будет холосо», – «ш» она тоже пока не научилась выговаривать.

Кеша впервые с уважением подумал о Полине. Только эта маленькая девочка, у которой были грустные глаза, даже когда она заливисто смеялась, смогла разглядеть за неказистой внешностью Чубайса его большое доброе сердце. «Наверное, эта девочка умеет видеть сердцем, а не глазами», – подумал Кеша и впервые отчётливо услышал, как его собственное сердце сказала: «Никогда не верь глазам, верь сердцу своему».

Простая истина

Сказка-быль

Солнце клонилось к закату. Изумительный летний день искрился и переливался всем богатством красок, созданных природой. Мир затихал. Казалось, даже Старый Лес, подкрадывающийся прямо к заборам дач, шумел тише и спокойнее. Он устало охал в предвкушении темноты, которая принесёт ему желанный покой. Уйдут наконец эти пронырливые дачники, которые являются ни свет ни заря и, громко перекликаясь, пускаются на поиски грибов, ягод и трав.

Старый Лес всегда вздрагивал по утрам от этих криков, и вместо того чтобы понежиться в предутренней тишине, впадал в недоуменное оцепенение. Но с годами он привык ко всему: и к зимнему безмолвному покою, и к летней многоголосой суете.

Поэтому, побряхтывая и потрескивая сучьями, он начинал-таки просыпаться, и вместе с ним просыпались птицы. Лес любил птиц больше всех прочих своих обитателей. Не любил он только ворон. Они всегда селились на краю леса большими стаями, и малейший спор между двумя воронами всегда перерастал во всеобщую ссору, порой заканчивающуюся серьёзной потасовкой. Гвалт при этом стоял такой, что Старому Лесу хотелось стряхнуть с себя это наглое орущее племя. Часто он так и делал, и вороны, посыпавшись с деревьев чёрными взъерошенными комочками, уже через секунду взмывали вверх в полной уверенности в том, что это они сами взлетели потому, что им надоело ссориться.

Но к Старой Вороне у Леса было особое отношение. Она была так же стара, как и он сам. Она никогда не ввязывалась в бессмысленные споры своих не в меру темпераментных сородичей, а наблюдала за ними, сидя поодаль с невозмутимым видом настоящего философа. Долгая жизнь сделала её мудрой и терпимой к слабостям других.

По ночам у неё болела ушибленная нога, а сломанное в прошлом году и давно зажившее крыло невыносимо ныло, когда начинались затяжные холодные дожди. Долгими осенними ночами Старый Лес часто просыпался от того, что Ворона постанывала во сне от ставшей уже привычной боли.

Лес помнил, как прошлым летом белобрысый мальчишка с самой ближней к лесу дачи запустил в Ворону увесистым камнем за то, что она решила полакомиться созревающей облепихой. Мальчишка оказался метким стрелком. А Ворона, не ожидавшая удара, удивлённо и обиженно вскрикнув, с трудом долетела до Леса и беспомощно свалилась на мягкий голубой мох. Она не понимала, почему люди не хотели с ней поделиться, ведь облепихи было так много, что её хватило бы на всех!?

А Старый Лес всё понимал. За свою долгую жизнь он повидал многих людей и читал их души, как открытую книгу.

В Лесу бывали разные люди. Одни вели себя как хозяева: громко перекрикивались, не понимая, что пугают лесных обитателей, мимоходом сносили головы даже не успевшим вскрикнуть от ужаса красавцам мухоморам, собирали всё до последней ягодки, рвали большие охапки цветов и вскоре выбрасывали эти поникшие букеты, не понимая, почему они так быстро увяли. А цветы медленно умирали на опушке Леса, лишённые своей короткой, но такой прекрасной жизни. После таких людей в лесу оставались догорающие костры, пустые консервные банки и вытопанная трава.

Таких людей Лес не любил. Он только с трудом терпел их. Но когда они особенно ему досаждали, наказывал: прятал от них ягоды и грибы, набрасывал на их лица липкую мокрую паутину, запутывая тропинки.

Другие люди вели себя тихо и спокойно, понимая, что пришли к Лесу в гости. Они ступали осторожно, ничего не ломали, не рвали без необходимости травы и цветы, срывали только самые спелые и крупные ягоды, аккуратно срезали съедобные грибы. После их ухода Лес оставался таким же чистым, и нетронутые лесные травы так же первозданно сверкали на солнце алмазными капельками росы.

Таких людей Старый Лес щедро одаривал ягодами и грибами, открывал им тайны своих растений, наполнял великой жизненной силой. Уходя, они говорили: «Благодарю тебя, Батюшка Лес, за твои щедрые дары!» Глаза Леса щурились в доброй улыбке, и кроны его деревьев приветливо колыхались в ответ, кланяясь уходящим людям.

Старый Лес привык отдавать людям всё, ничего не требуя взамен. Но когда случалось так, что лесные обитатели приходили или прилетали на дачные участки, чтобы полакомиться чем-нибудь вкусеньким, они получали такой решительный и изощрённый отпор, что им приходилось поспешно укрываться под спасительным покровом Старого Леса, и желание общаться с этими агрессивными двуногими существами пропадало у них надолго. Те, кто оказался недостаточно проворным, долго зализывали свои раны, искренне недоумевая: «Ну почему люди такие жадные, ведь у них всего так много!»

Старый Лес нежно склонялся над своими обиженными питомцами. Плакать он не умел, и глухая застарелая печаль терзала его усталую душу.

Но время шло, наступал новый день, всходило солнце, заботливо согревая своими живительными лучами Лес и его обитателей...

Лес и Старая Ворона, как всегда, проснулись раньше всех, понимающе посмотрели в глаза друг другу и оба подумали одно и то же: «Всё не так уж плохо, жизнь продолжается».

Несмотря ни на что, они верили, что наступит время, когда и люди поймут простую истину: тем, что у тебя есть, нужно делиться с другими.